Максименко Елена Петровна

СТОЛИЦА "КРАСНОЙ ИМПЕРИИ": К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ БОЛЬШЕВИКАМИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА МОСКВЫ (1920-Е - ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1930-Х ГГ.)

Автор высказывает свое мнение о применении большевиками идеологического потенциала москвоцентристской доктрины "третьего Рима" как доктрины, направленной на создание сильного государства и формирование национального патриотизма. В качестве средства выражения усиления "римских тенденций" в реализации государственной политики рассматриваются некоторые объекты столичного градостроительства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/7-2/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45): в 2-х ч. Ч. II. С. 142-147. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).084.6
Исторические науки и археология

Автор высказывает свое мнение о применении большевиками идеологического потенциала москвоцентристской доктрины «третьего Рима» как доктрины, направленной на создание сильного государства и формирование национального патриотизма. В качестве средства выражения усиления «римских тенденций» в реализации государственной политики рассматриваются некоторые объекты столичного градостроительства.

Ключевые слова и фразы: «третий Рим»; советская империя; идеология; национальный патриотизм; прагматическая история; градостроительная модель; план реконструкции Москвы; конструктивизм; неоклассицизм.

Максименко Елена Петровна, к.и.н.
Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»
el-maks@yandex.ru

СТОЛИЦА «КРАСНОЙ ИМПЕРИИ»: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ БОЛЬШЕВИКАМИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА МОСКВЫ (1920-Е – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1930-Х ГГ.)©

Рубежи русской истории отчетливо обозначены сменой столиц. Рождение единого государства и головокружительный взлет Москвы, построение абсолютистской империи и парадоксальное появление Санкт-Петербурга, реализация большевиками невиданного социального проекта и создание ими «Новой Москвы» – чередование столичного статуса между этими двумя городами всякий раз открывало качественно новый этап российской государственности.

В национальном общественно-политическом дискурсе есть и устойчивое понятие «третья столица». Это город, который мог бы претендовать на подобную роль при альтернативном развитии исторических событий, то есть принять эстафету, как в свое время сделала Москва, назвав себя «третьим Римом» – третьей (и последней) столицей христианского мира. Не вдаваясь в рассуждения о вероятности существования «третьей столицы» России и шансах городов-претендентов, обратим внимание на сам источник подобной трехчленной номинации – Москву – начало и центр российской государственности.

* * *

Одним из важнейших признаков города в историческом контексте являются объекты каменного зодчества. История градостроительства неотделима от истории народов. Из всех городов особое значение имеют столицы. Став центрами притяжения всех культурных сил народов, они превратились в обобщенный образ своих государств.

Таковым и стал для Византии Константинополь, названный своим основателем Новым Римом, а позже переименованный в его честь. Свой «золотой век» город переживает в правление императора Юстиниана I Великого (527-565 гг.). Тот всемерно укреплял «ромейское царство», стремясь возродить славу и мощь былой империи в ее новом воплощении, реализуя, среди прочего, масштабные строительные проекты. Особое внимание уделялось столице. Итогом реализации обширной архитектурной программы стал город, поражавший воображение всех, кому доводилось здесь побывать. Общая структура Константинополя отличалась от римских городов центростремительным началом: главная улица вела к центральному комплексу общественных зданий, состоявшему из Ипподрома, Большого (или Священного) дворца и, конечно, собора Святой Софии – самого большого храма в христианском мире.

Второй расцвет Константинополя связан с Македонской династией (IX–XI вв.). После периода иконоборчества (VIII – первая половина IX в.) возникла потребность обращения к классическому прошлому: в период т.н. Македонского возрождения наряду с ростом могущества императорской власти происходило возрождение традиций античного искусства.

«Город из городов, светоч вселенной, слава мира, матерь церквей, основа веры, покровитель наук и искусства, отечества и очаг красоты» [7, с. 88]. Константинополь для византийцев всегда был олицетворением мощи и славы их империи. Империя же представлялась им в качестве наиболее приемлемой и совершенной формы государственного устройства. Многие века Византия («империя ромеев») смотрела на себя как на оплот христианства, находившийся под Божественным покровительством и ведущий к спасению другие народы. По словам выдающегося историка Церкви И. Ф. Мейендорфа, «идеал и цель, то есть мысль о создании мировой империи, которая преодолеет беспорядочное противоборство народов и водворит вселенский мир, Византия получила в наследство от древнего Рима. Эта идея *pax romana* смешалась с христианскими чаяниями вселенского Царства Христова» [8, с. 345].

Византия являла пример другим странам как могущественная мировая держава. Именно в ней киевская княжеская власть увидела пример, достойный подражания. Владимир I, в целях укрепления государства и собственной власти, выбрал восточно-христианское вероисповедание, а его сын Ярослав Мудрый, отстраивая древнерусскую столицу, стремился повторить или даже превзойти великолепные византийские градостроительные образцы.

Однако на русской почве идея римской державности продолжила свое существование не в Киеве, а в Москве, сумевшей стать новым центром русской государственности и русского православия.

© Максименко Е. П., 2014

* * *

Историческое бытование концепции «трех Римов» началось, вероятнее всего, в Европе в XII-XIII вв. Историк русской архитектуры и градостроительства М. П. Кудрявцев отмечает, что «поиск ―третьего Рима" наиболее отчетливо возникал в моменты угрозы Православию, связанные с ослаблением политической и духовной роли его центра – Константинополя» [4, с. 203]. На роль «третьего Рима» в разное время претендовали несколько центров, в частности, немецкий Трир, болгарский Тырново, возможно, даже древнерусский Киев [Там же, с. 204-208]. В XVI веке благоприятная обстановка для формирования собственной «римской» доктрины формируется в молодом Московском княжестве.

Сразу отметим, что в ранге официальной православная доктрина «Москва – третий Рим» существовала в России недолго. Саму концепцию псковский старец Филофей выдвинул около 1523-1524 гг., в правление великого московского князя Василия III. Идея монаха-иосифлянина заключалась в утверждении, что к Руси перешла функция «неразрушимого» христианского Ромейского царства. Однако автор монографии «Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции» Н. В. Синицына обращает внимание, что «ни Василий III, ни Иван Грозный ни разу на эту концепцию не ссылались. Иван IV любил другое сочинение – ―Сказание о князьях Владимирских" – о происхождении русских князей от императора Августа» [15]. Авторитетный знаток средневековой истории Б. Н. Флоря отмечает, что «взгляды Филофея лишь в конце XVI века стали частью официальной московской идеологии» [13].

Однако предпосылки для того, чтобы стать заключительной частью триады «Рим – Константинополь – Москва», у столицы Московского княжества возникли намного ранее: после решения Вселенского католического Ферраро-Флорентинского собора 1438-1445 гг., провозгласившего унию католицизма и православия, и последовавшего затем падения Восточной Римской империи. До разрыва, последовавшего за унией, Русская Церковь входила в состав Константинопольского патриархата, а русская земля пребывала в статусе церковной провинции «второго Рима». Русские, «как правило, питали чувство почтения к Константинополю и Константинопольскому патриархату, признавая в нем источник своей религиозной веры и центр более высокой культуры» [8, с. 341]. С другой стороны, это уважение умерялось осознанием греческого «лукавства», и даже «двуличия».

Неудивительно, что взятие Константинополя турками-османами вызвало двоякое ощущение: от понятного чувства удовлетворения, поскольку Господь покарал греков, изменивших вере и пошедших на унию с католиками, до реального страха и скорби, поскольку в зоне православной ортодоксии остался единственный сохранивший независимость народ, который вынужден был искать новую точку опоры в кардинально изменившемся мире.

На помощь московской власти пришла Церковь, предложив москвоцентристскую доктрину, подпитывавшую национальные чувства и направленную в первую очередь на внутреннее применение. Развивая идею русского единства, власть пошла по пути формирования представления о Москве (Московском царстве) как о последней христианской империи, занявшей по праву преемства центральное место в истории. «После падения Константинополя православный мир потерял свой духовный центр. Русь все более ощущала себя не православной страной в ряду других православных стран, а православным миром как таковым, Святой Русью в окружении иноверцев… Когда Москва провозгласила себя третьим Римом, сделано это было от нужды и потребности утвердить свое существование» [14, с. 523].

Теория «третьего Рима» как нельзя лучше идеологически обосновывала и оправдывала решительные действия правительства по созданию сильного централизованного государства.

Доктрина нашла свое отражение не только в политике московской власти, направленной на создание Московского царства, но и в архитектуре города, найдя воплощение в градостроительной модели средневековой Москвы (о чем подробно писал в своем исследовании М. П. Кудрявцев [4]).

Однако уже на рубеже XVII-XVIII вв. эта концепция не играла никакой роли в определении внутренней и внешней политики династии Романовых.

Новым содержанием старая доктрина наполняется во второй половине XIX в., когда многие увлекались идеями о федерации славянских народов и освобождении Царьграда от турок. В историю отечественной общественной мысли концепцию вернули славянофилы. В свое время Н. И. Бердяев писал, что «в общественном сознании утвердилась мысль об особой исторической миссии России, которую славянофилы и Соловьев определяли как ―святая Русь"». Славянофилы фактически «приняли идею Москвы – Третьего Рима как бытовой факт, как исторический уклад» [1, с. 253].

Неослабевающий интерес к формуле «Москва – третий Рим» характерен и для XX века. Н. В. Синицына очень точно сравнила концепцию псковского старца с айсбергом, большая часть которого скрыта от глаз. Действительно, невидимая часть этого айсберга, появившегося на переломном этапе истории российской государственности, периодически вызывала (и вызывает) интерес к его исследованию, особенно в ситуациях, схожих или хотя бы напоминающих время появления доктрины. Поэтому «третий Рим» имеет так много разных аспектов бытия: духовный, культурно-исторический, цивилизационный, государственно-политический, идейный и пр.

С точки зрения конкретной реализации в государственной политике, по мнению большинства историков и публицистов, наиболее отчетливо в XX в. «усиление римских тенденций» произошло в «сталинский» период истории СССР. Политолог И. Н. Панарин считает, что Иосиф Сталин развивал некую синтезированную историческую русскую геополитическую идею, включавшую в себя положения, выдвинутые в разное время Иосифом Волоцким и Филофеем, Николаем Данилевским и Константином Леонтьевым [11, с. 114].

На определенном этапе большевикам стала важна заложенная в средневековую концепцию «третьего Рима» идея государственного могущества. Кроме того, большевики не прервали православную традицию восприятия Москвы в качестве мирового оплота высшей справедливости – коммунистическая империя по-другому понимала спасение мира, но никогда не уклонялась от самой миссии спасения.

* * *

Первым краеугольным камнем средневековой теории «третьего Рима» была сама Москва. «Город, вокруг которого собралось молодое русское государство, представлялся –богоспасаемым градом”, сакральным местом, сконцентрировавшим в себе роль политического, духовного, психологического и социального центра нового православного царства» [6, с. 142].

Не отступилась от подобного принципа и будущая «красная империя». Опять все началось с переноса столицы – в 1918 году большевистское правительство инициировало свой переезд из Петрограда в Москву.

12 марта 1918 г., уже после того, как члены ВЦИК и Совнаркома перебрались в Москву, в «Правде» публикуется «Обращение Военно-Революционного комитета при Петроградском Совете к гражданам Петрограда» за подписью Л. Д. Троцкого, который дважды назвал перенос столицы «временным», вызванным условиями военного времени. У многих представителей левых сил Москва не ассоциировалась со столичным статусом, воспринималась лишь как «провинциальный город с двухмиллионным населением, живущий своей жизнью» [10]. Городом, где можно творить всемирную историю, мыслился «красный Питер». Но для В. И. Ленина и его сторонников вопрос о переносе столицы был решен окончательно.

«Пропитанная истинно русским духом» Москва стала столицей государства, в котором революционеры, захватив власть, впервые в истории смогли удержать ее сами. Выстояв в гражданской войне, пережив опаснейший кризис 1921 г., восстановив экономику с помощью системы госкапитализма, в 1920-е годы режим все еще пребывал в стадии ожидания мировой революции. Исходя из установок пролетарского интернационализма, фактически советская власть присвоила Москве статус центра мирового революционного процесса.

* * *

На момент переезда правительства в Москву в ней было мало зданий, годных для правительственных учреждений. ЦИК и СНК разместились в здании бывшего Сената, остальные помещения Кремля Ленин не разрешил использовать из-за их культурной и исторической ценности. Различные ведомства приходилось размещать в жилых помещениях – дворянских и купеческих особняках. Кроме того, Москва была одним из наименее благоустроенных больших городов Европы.

Уже в 1918 году при Московском Совете специальная комиссия под руководством архитекторов И. В. Жолтовского и А. В. Щусева разработала первый генеральный план «Новая Москва». В основу была положена традиционная для Москвы радиально-кольцевая планировка и принцип сохранения большинства старинных сооружений независимо от места их расположения. Кремль по этому плану был уже не политическим центром, а использовался бы как музей. Общественный центр столицы предполагали расположить в Петровском Парке, а в Охотном Ряду – Дворец СССР. Однако в этом плане архитекторам не удалось решить насущные городские проблемы, а перенос административного центра на окраину с консервацией исторической части Москвы был признан неудовлетворительным предложением.

В 1925 году, во времена нэпа, принимается новый план реконструкции города «Большая Москва», разработанный профессором С. С. Шестаковым и одобренный планировочным институтом при Моссовете. Как и первый, план целиком основывался на сохранении и дальнейшем развитии радиально-кольцевой планировки Москвы, но предусматривал гигантское расширение территории Москвы за счет включения в ее раздвинутые границы больших подмосковных районов. Однако создание такого «мегаполиса» совсем не отвечало городским потребностям и сильно осложняло проведение социалистической реконструкции Москвы.

В 1930 г. Московский отдел коммунального хозяйства (МОКХ) на основании подробной анкеты провел опрос различных специалистов о том, как реконструировать старую и строить новую Москву, и опубликовал результаты в периодической печати. Вопросы анкеты были сгруппированы по темам, в том числе: Москва – политический и административно-плановый центр, жилища, социальное воспитание, Москва – культурно-просветительный центр, общие требования к схеме Москвы [17].

Заполнить анкету предложили и молодому франко-швейцарскому архитектору Корбюзье, уже широко известному своими проектами создания «лучезарного города» будущего. Приговор новатора оказался суров: «нет возможности мечтать о сочетании города прошлого с настоящим или будущим; а в СССР больше, чем где-либо, речь идет о двух повернутых спиною друг к другу эпохах, у которых нет никаких общих элементов, действительно существующих на территории Москвы; …в Москве, кроме нескольких драгоценных памятников былой архитектуры, еще нет твердых основ; она вся нагромождена в беспорядке и без определенной цели» [Там же]. Старый город архитектор счел непригодным и выдвинул идею гигантского московского разрушения ради созидания практически новой столицы, от начала и до конца построенной по правилам разума.

Расчет Корбюзье на успех его амбициозного проекта не был беспочвенным. Москва 1920-х годов – важнейший центр архитектурного авангарда, в частности, конструктивизма. «Москва – это фабрика планов, обетованная земля для специалистов, но совсем не в духе Клондайка. Страна переоснащается! В Москве поразительное обилие всяких проектов; здесь планы заводов, плотин, фабрик, жилых домов, проекты целых городов. И все делается под одним лозунгом: использовать все достижения прогресса... Все эти планы проникнуты юношеским духом» [9], – восторженно писал архитектор. Действительно, в столице один за другим входили в строй первоклассные объекты советского конструктивизма: издательство «Известия» (архитекторы Г. Б. и М. Г. Бархины), Госторг (архитектор Б. М. Великовский), ДК им. Зуева (архитектор И. А. Голосов), Клуб коммунальщиков им. Русакова (архитектор К. С. Мельников) и др.

Московское строительство 20-х годов XX века подчеркнуто лаконично, футуристично и интернационально. Даже ведущие зарубежные архитекторы стали рассматривать советскую столицу как площадку для реализации новых идей. Тот же Корбюзье выиграл конкурс, объявленный в 1928 г. Всероссийским обществом

гражданских инженеров (ВОГИ): дом Центросоюза стал его самым крупным реализованным в те годы проектом и одновременно архитектурным символом нэповской Москвы.

Интернациональный стиль, которого придерживался архитектурный новатор, требовал отказа от национальных культурных особенностей и всяческих разновидностей исторического декора в угоду культу обобщенных абстрактных геометрических форм из стекла и бетона. Подобный стиль до некоторых пор вполне соответствовал социальному заказу, существовавшему в СССР. Как отмечает российский историк А. И. Вдовин, «вплоть до второй половины 1930-х годов в партийной среде были весьма распространены представления о том, что Москва и другие крупные города не могут быть хранителями национальных особенностей, они перемалывают и обезличивают огромное количество национальностей, подобно Нью-Йорку» [2, с. 70-71].

Власть первоначально поддерживала и поощряла архитектурные поиски творческих группировок. Не роскошь предыдущих стилей, а простота и подчеркнутый утилитаризм форм, лаконичность, геометрическая чистота линий, полное отсутствие декора – казалось, новый архитектурный стиль и по форме, и по содержанию отвечал идеалам нового мира. В начале 1930-х годов возникла необходимость возведения ряда крупных общественных зданий, имеющих ответственную идеологическую программу. И тут становится понятно, что в стране начинает формироваться критическое отношение к архитектуре авангарда. Точкой отсчета можно считать конкурс на здание Дворца Советов в Москве (1931 г.).

Всего с февраля 1931 г. по февраль 1933 года состоялось 4 тура. Опять пригласили известных западных архитекторов; Корбюзье представил проект для второго тура конкурса. Работы участников отличались чрезвычайным разнообразием, однако конструктивизм воспринимался ими как официальный советский стиль.

По итогам второго тура в феврале 1932 г. присудили три высшие премии, в том числе уже упоминавшемуся Ивану Жолтовскому. Именно эта победа оказалась самым раздражающим фактором для авангардистов, ведь проекты и постройки Жолтовского были «любимой мишенью» конструктивистов (ОСА, ВОПР) как примеры «умирающей эклектики». Тем не менее, он «подал откровенно неоклассический проект. Акция эта по ситуации в советской и зарубежной архитектуре тех лет представлялась абсолютно безнадежной. Жолтовский пошел, что называется, ва-банк и неожиданно для всех выиграл» [16].

Проект Корбюзье, карьера которого на Западе в этот момент пошла в гору, всего лишь отметили (наряду с проектом итальянского архитектора А. Бразини) как содержащий «весьма ценные материалы, безусловно подлежащие внимательному учету в дальнейшем строительстве».

О влиянии И. В. Сталина на ход конкурса можно только догадываться. В итоге победу в конкурсе отдали коллективному проекту Б. М. Иофана, В. А. Щуко и В. Г. Гельфрейха, а здание Дома Советов так и не было построено.

* * *

После 1932 года очевидным становится поворот в общегосударственной архитектурно-градостроительной политике власти: от благосклонного отношения к идеям разрыва с предшествующим историческим опытом художественного творчества, стремлению утвердить новые нетрадиционные начала в архитектуре и искусстве, к традиционным ценностям классицизма. Неоклассический архитектурный язык как нельзя более подходил для укрепления престижа режима.

Очевидным образом перемены в «архитектурной политике» сталинского руководства связаны с переменами в политике государственной. Режим остро нуждался в новых идеологических установках. Надежда на мировую революция не оправдала себя. Весомым фактором для беспокойства стал приход к власти в Германии нацистов в 1933 году. Руководители советского государства были вынуждены «отыскивать дополнительные возможности для сплочения населения вокруг идей с более высоким объединяющим потенциалом, нежели пропаганда международной классовой солидарности рабочих и союза рабочих и крестьян внутри СССР» [2, с. 71].

В условиях усложнившейся международной обстановки для СССР актуализируется проблема выживания, которая откладывает на будущее (но не отменяет) глобальную задачу преобразования мира, а в повестку дня ставит теорию построения социализма в одной отдельно взятой стране.

В середине 1930-х годов произошел крах «национал-нигилистской» школы М. Н. Покровского, и на острие государственной политики оказалась «прагматическая история». Развенчание «вульгарно-классового» подхода сочеталось с целенаправленным формированием общественного сознания в духе идей национального патриотизма. Власть дала исторической науке четкую установку на рассмотрение советского периода в преемственной связи с общим развитием российской государственности.

Показательно, что в конце 1930-х годов в Советском Союзе «реабилитировали» византинистику. Как отметил академик С. П. Карпов, «до этого считалось, что византинисты – апологеты монархии и клерикализма и их наука не актуальны. Но Сталин понимал, что традиции и идеи сильной монархической власти могут быть консолидирующим элементом накануне и в ходе войны» [3].

Для власти становилось жизненно важно, чтобы, как и четыре столетия назад, народ ощутил себя в центре бытия – ведь такое состояние максимально проявляет весь созидательный потенциал человека. А куда направить этот потенциал, власть уже решила. Происходит общая смена политического и идеологического курса от концепции «мировой революции» к идее «советской империи». Фактически в СССР на идею победы пролетариата во всемирном масштабе начинает работать идея сильного национального государства.

Сталинская интерпретация концепции «третьего Рима» в целом соответствовала охранительно-оборонительному духу идеи, разработанной в XVI веке. Вновь, как и после падения Византии, страна проходила через осознание своей обособленности в мире. Враждебное общественно-политическому строю окружение, отсутствие союзников, разделяющих идеологические установки советского государства, делало его международное положение крайне уязвимым. Неверный выбор идеологического вектора в условиях так

и не произошедшей мировой революции грозил не только историческим провалом всего большевистского проекта, но и, как показало ближайшее будущее, утратой самой государственности.

Надо отдать должное большевикам, которые, с одной стороны, рассматривали свою идеологию как важнейшее средство глобального преобразования мира, а с другой стороны, сама идеология большевизма в критических ситуациях была способна к трансформации, что делало ее крайне устойчивой и жизнеспособной. Внедряя в 1930-е годы новую идеологическую установку, советское руководство понимало, что эффект окажется тем большим, чем больше она будет соответствовать неким бытийным константам, глубинным образам народного сознания.

Режим остро нуждался во всестороннем укреплении огромного государства. Империя не может существовать без мощной государственной идеи и без общепризнанного национального центра. Отсчет «священного пространства» укреплявшейся «красной империи» большевики ведут от древней столицы российской государственности, а не от города, связанного с революционными потрясениями страны, почин которым положил еще его великий основатель. После 1934 года начинается воссоздание доктрины «третьего Рима» в новых исторических условиях. Не имея возможности (и желания) заменять советские идеологические постулаты откровенно религиозной доктриной, режим решил использовать еѐ государственный потенциал. Как в средневековой Москве, власть обратилась к особому, мифологизированному городу – Риму – символу древней христианской общности, назвав православную столицу нового царства его законной преемницей, так и советское руководство, не называя прямо Москву «третьим Римом», скрыто апеллировало к образу, наделенному сакральным смыслом. В процессе поиска духовной среды, скрепляющей многообразие народов и культур, Москву фактически провозгласили общим политическим проектом, стоящим над интересами конкретных групп. Подчеркнем, что без подобных проектов не существует имперский тип политической организации общества. А архитектура сумела воплотить его в конкретные формы, понятные массам.

В том же 1934 году, когда была введена в строй первая очередь дома Центросоюза (здание строили долго и мучительно, в окончательный вид вносились изменения, а критика «унылой коробки» Корбюзье не умолкала), к первомайской демонстрации снимают леса с дома «повышенной комфортности для специалистов» на Моховой улице архитектора И. В. Жолтовского. Сам архитектор подчеркивал, что спроектировал здание по принципам классики. Новостройке с самого начала придавалось особое значение. Дом воздвигался «ударными темпами», строительство снабжалось «вне всякой очереди», академика Жолтовского все время поторапливали [12, с. 37].

Классика одержала победу над конструктивизмом. Первое «здание-дворец», сооруженное в СССР после революции, дом на Моховой получил не только высокую оценку в профессиональной среде, но и одобрение масс: «колонны демонстрантов, проходящие 1 мая перед впервые открывшимся домом, не сговариваясь, разражаются никем не запланированными аплодисментами» [Там же].

Не соответствуя архетипам народного сознания, холодный образ функционального модернизма не вызывал у москвичей подобную непроизвольную реакцию. Восхищая творческую элиту, он оставлял равнодушным население города, чья численность в этот период резко возрастала за счет массовой миграционной волны крестьянства, вызванной коллективизацией. Взяв на себя функцию «воспитывать в народе хорошие вкусы», партия и государство весьма рационально ориентировались на узнаваемые символы, заключенные в архитектурных формах. Национально-патриотическая архитектурная оппозиция оказалась готова к директивной смене эстетических установок: в пролетарском государстве востребованным оказался ассоциирующийся с культовой архитектурой неоклассицизм.

* * *

С конца 1920-х годов большевики очевидным образом переходят от утопических планов по преобразованию мира к реализации грандиозных социально-экономических преобразований внутри страны. Общая смена политического и идеологического курсов сталинского руководства отчетливо сказалась на запросе к формированию архитектурного облика Москвы: на смену концепциям авангарда, организующим жизнедеятельность населения, пришла задача организации сознания. Используя способность зодчества создавать особое измерение, наполненное смыслами, власть стремилась сделать архитектуру, с одной стороны, доступной массам эмоционально и эстетически, с другой – использовать в качестве понятного, четкого ретранслятора своей идеологической программы. Усиление римских тенденций в реализации государственной политики вело к возврату к традиционным ценностям классицизма в архитектуре, а Генеральный план реконструкции Москвы, разрабатывавшийся с 1931 г. и принятый в 1935 г., исходил из необходимости «сохранения основ исторически сложившегося города». Начав воссоздавать в 1930-е годы концепцию «Москва – третий Рим», И. Сталин приспосабливал к новым историческим условиям и запросам облик столицы. Выполняя властный заказ, в поисках универсального архитектурного языка, доступного для восприятия масс, архитекторы пошли по пути синтеза новаторства и традиции; главным приемом стала монументальность форм. В советской архитектуре близился период дворцово-храмового строительства – на авансцену выходил советский монументальный классицизм, который с легкостью выражал пафос нового могучего земного царства. Итогом подобной градостроительной политики стал город, который в 1947 году, в дни 800-летия Москвы, сам Сталин назвал «образцом для всех столиц мира» [5]. Аналогия с двумя мировыми столицами – Римом и Константинополем – кажется очевидной.

Список литературы

1. **Бердяев Н. И.** Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М.: АСТ МОСКВА, 2007. 445 с.
2. **Вдовин А. И.** Подлинная история русских. XX век. М.: Алгоритм, 2010. 432 с.
3. **Карпов С.** Византийская Русь [Электронный ресурс] // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. URL: http://www.ruskline.ru/monitoring_smi/2008/02/26/vizantijskaya_rus (дата обращения: 20.05.2014).

4. **Кудрявцев М. П.** Москва – Третий Рим. Историко-градостроительное исследование. М.: Троица, 2007. 288 с.
5. **Лебедева Е.** Взыскуя града [Электронный ресурс] // Православие.*ru*: интернет-журнал. URL: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/879.htm (дата обращения: 20.05.2014).
6. **Максименко Е. П.** Белорусская тематика пропагандистского фронта Великой Отечественной войны: от советского патриотизма к модернизированной доктрине «Москва – третий Рим» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7. Ч. 2. С. 141-145.
7. **Матюхина Ю. А., Царева Т. Б.** Великие империи мира. М.: РИПОЛ Классик, 2011. 448 с.
8. **Мейендорф И. Ф.** История Церкви и восточнохристианская мистика. М.: Институт ДИ-ДИК; Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. 576 с.
9. **Митрофанов А.** Мир столичных офисов [Электронный ресурс] // Московская перспектива. URL: http://www.mperspektiva.ru/topics/191 (дата обращения: 20.05.2014).
10. **Новая Жизнь.** 1918. 9 марта.
11. **Панарин И. Н.** Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006. 560 с.
12. **Паперный В. З.** Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 408 с.
13. **Представления о власти Московских Государей в Древнерусском обществе XV-XVI вв.** [Электронный ресурс] // Седмица.*ru*: церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». URL: http://www.sedmitza.ru/lib/text/438923/ (дата обращения: 20.05.2014).
14. **Сапронов П. А.** Культурология: курс лекций по теории и истории культуры. СПб.: Союз, 1998. 560 с.
15. **Третий Рим: история одной идеи** [Электронный ресурс] // Фома. URL: http://www.foma.ru/article/index.php?news=4663 (дата обращения: 20.05.2014).
16. **Хан-Магомедов С. О.** Архитектура советского авангарда. Кн. 1. Проблемы формообразования. Мастера и течения [Электронный ресурс]. URL: http://www.alyoshin.ru/Files/publika/khan_archi/khan_archi_1_126.html (дата обращения 26.03.2014).
17. **Хан-Магомедов С. О.** Архитектура советского авангарда. Кн. 2. Социальные проблемы [Электронный ресурс]. URL: www.alyoshin.ru/Files/publika/khan_archi/khan_archi_2_058.html (дата обращения: 26.03.2014).

CAPITAL OF "RED EMPIRE": ON ISSUE OF MOSCOW TOWN-PLANNING IMAGE FORMATION BY BOLSHEVIKS (THE 1920S – THE FIRST HALF OF THE 1930S)

Maksimenko Elena Petrovna, Ph. D. in History
National University of Science and Technology "MISIS"
el-maks@yandex.ru

The author expresses her opinion on Bolsheviks' use of the ideological potential of Moscow-centered doctrine of the "Third Rome" as a doctrine aimed at the establishment of powerful state and the formation of national patriotism. Some objects of the capital town planning are considered as a means of the expression of "Rome tendencies" intensification in state policy realization.

Key words and phrases: the "Third Rome"; the soviet empire; ideology; national patriotism; pragmatic history; town-planning model; plan of Moscow reconstruction; constructivism; neoclassicism.

УДК 7; 18:7.01
Искусствоведение

В статье рассматривается феномен распространения в российском обществе мифологических социальных представлений и их влияние на телевидение. Отмечается, что реализация российским телевидением мифотворческой функции играет своего рода терапевтическую роль по отношению к переживаемому обществом культурному и ценностному кризису. В эффективности такого воздействия на телеаудиторию значительное место занимает личностная мифологизация ТВ-персон, создание с помощью выразительных средств телевидения их мифологизированных образов.

Ключевые слова и фразы: массовые социальные представления; мифотворческая функция телевидения; культурная травма; личностная мифологизация; логика чудесного; образцы мышления и поведения.

Маркосян Дустрик Грагатовна
Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова (ВГИК)
dustrikm@yandex.ru

МИФОТВОРЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ И РОЛЬ ЛИЧНОСТНОЙ МИФОЛОГИЗАЦИИ©

Российское общество на протяжении последних десятилетий в силу воздействия сложного комплекса внутренних и внешних факторов претерпело глубокие социальные изменения, объективными последствиями которых стали существенные сдвиги в массовом сознании и лежащих в его основе массовых социальных представлениях.

© Маркосян Д. Г., 2014